

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА

ДЕМИНА В.А.^а, АНАНЬЕВА К.И.^{а, б}

^а Московский институт психоанализа,
Москва, Россия

^б Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

В статье рассматриваются индивидуальные особенности восприятия кибербуллинга. Освещены основные теоретические аспекты кибербуллинга: специфика кибербуллинга, личные особенности и предикторы кибербуллинга. Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования восприятия ситуаций кибербуллинга людьми с учетом их личностных характеристик. В центре внимания исследования была поставлена проблема раскрытия специфики восприятия кибербуллинга взрослыми людьми. Было показано, что социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст и индивидуальные особенности, наличие опыта кибербуллинга, наличие травматического опыта в прошлом, уровень когнитивной и аффективной эмпатии – оказывают влияние на восприятие ситуаций кибербуллинга. Основные выводы исследования показали, что мужчины и женщины могут по-разному относиться к ситуациям кибербуллинга, причем возраст, опыт кибербуллинга и уровень эмпатии также оказывают существенное влияние на различие восприятия подобных ситуаций.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, жертва, агрессор, свидетель, цифровая среда, онлайн-растормаживание, эмпатия.

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания ИП РАН «Познавательные процессы в экологически валидных контекстах» № 0138-2024-0012

Для цитаты: Демина В.А., Ананьева К.И. Индивидуальные особенности восприятия ситуаций кибербуллинга // Познание и переживание. 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 18-43 doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_02

Для контактов: Демина В.А., deminaviktoria@gmail.com

INDIVIDUAL PECULIARITIES OF PERCEPTION OF CYBERBULLYING SITUATIONS

DEMINA V.A.^а, ANANYEVA K.I.^{а, б}

^а Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russia

^б Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article examines individual characteristics of the perception of cyberbullying. The main theoretical aspects of cyberbullying are covered: the specifics of cyberbullying, personal characteristics and predictors of cyberbullying. The results of a theoretical and empirical study of

people's perception of cyberbullying situations taking into account their personal characteristics are presented. The focus of the study was on the problem of revealing the specifics of the perception of cyberbullying by adults. It has been shown that socio-demographic characteristics such as gender, age and individual characteristics such as: experience of cyberbullying, presence of traumatic experience in the past, level of cognitive and affective empathy influence the perception of cyberbullying situations. The main findings of the study showed that men and women may have different perceptions of cyberbullying situations, with age, experience of cyberbullying and level of empathy also having a significant impact on differences in perception of such situations.

Key words: bullying, cyberbullying, victim, aggressor, witness, digital environment, on-line disinhibition, empathy.

Financing. The work was carried out within the framework of the state assignment of the IP RAS "Cognitive processes in ecologically valid contexts" No. 0138-2024-0012

For citation: Demina V.A., Ananyeva K.I. Individual characteristics of the perception of cyberbullying situations // Cognition and experience. 2024. – Т. 5. – No. 1. – P. 18–43. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_02

For contacts: Demina V.A., deminaviktoria@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе с развитой цифровой коммуникацией по результатам отчета Digital 2023 Global Overview 89% населения РФ используют интернет. Общее время использования интернета в день составляет 7 часов 58 минут. 73,3% населения являются пользователями социальных сетей. На начало 2023 года среднее время, которое владельцы Android-устройств проводили в приложениях, составило – 17,2 ч/мес.

С увеличением времени, проведенном в интернете, увеличиваются и онлайн-риски. Одним из наиболее серьезных онлайн-рисков является «кибербуллинг».

Кибербуллинг (от англ. cyberbullying – травля в интернете) – целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый с использованием компьютеров, смартфонов и других электронных устройств (Хломов, Давыдов, Бочавер, 2019).

Билл Бэлси определяет кибербуллинг как использование информационных и коммуникативных технологий (например, электронной почты, личных интернет-сайтов) для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление людей (Belsey, 2008).

Многие исследования говорят о негативном влиянии кибербуллинга на психическое и физическое здоровье человека. Виктимизация от кибербуллинга вызывает: повышенный стресс, тревожность, депрессивные расстройства, гнев, проблемы со сном, снижение самооэффективности и самоуважения. Постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счет осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Результаты аналитического обзора ВЦИОМ в 2021 году показали: по мнению 42% российских интернет-пользователей, за последние пять лет в отечественном сегменте интернета стало больше оскорбительных постов и комментариев. 27% полагают, что их число не изменилось, а 9% ответили, что их стало меньше. Россияне сталкивались со следующими проявлениями травли в интернете: 10% получали в свой адрес грубые комментарии (49% встречали подобное по отношению к другим людям), 7% страдали от троллинга и злых насмешек в свой адрес (39% знают о таких случаях), 6% получали оскорбления из-за пола, возраста или взглядов (34% встречали подобное в адрес других людей), в отношении 5% распространялись оскорбительные слухи (31% были свидетелями подобных ситуаций), 3% получали угрозы насилия в свой адрес (21% видели подобное по отношению к другим людям), 2% были жертвой публикации приватной информации, интимных фотографий или видео (21% знают такие случаи), об 1% публиковались обидные фотографии или видео (26% видели подобное по отношению к другим людям).

По данным Mail.ru Group, на ноябрь 2019 г. с кибербуллингом сталкивались 58% опрошенных россиян, а 4% из них признались, что выступили в роли инициаторов. 47% респондентов отметили, что встречались с агрессией чаще в виртуальной, нежели в реальной жизни.

Существует множество форм кибербуллинга (троллинг, флейминг, киберсталкинг, разглашение конфиденциальной информации, самозванство, секстинг, хейтинг, киберотчуждение, хэппислепинг, клевета, харасмент, гриффинг, астротурфинг) с разной степенью интенсивности и способом влияния на психику человека.

Кибербуллинг носит универсальный характер, поскольку он может случиться с кем угодно, в любое время и в любом месте, независимо от возраста. На данный момент существует большое количество исследований, посвященных психологическим аспектам, формам, ролевой структуре кибербуллинга, влиянию кибербуллинга на психическое и физическое здоровье человека.

Однако большинство исследований проведены на подростковой выборке и не раскрывают специфику кибербуллинга у взрослого населения, что стало **проблемой** данного исследования.

СПЕЦИФИКА КИБЕРБУЛЛИНГА

Понятие «кибербуллинг» впервые представил канадский педагог Билл Белси (Belsey, 2008). Он описал его как злонамеренное и систематическое враждебное поведение, совершаемое отдельными индивидами или группами, которые стремятся причинить вред, используя различные информационные и коммуникационные технологии. После введения понятия «кибербуллинг» в академическую литературу различные исследования, посвященные этому понятию, стали увеличиваться в геометрической прогрессии.

Ранние попытки формулировки понятия «кибербуллинга» были основаны на понимании традиционного буллинга. Одно из самых распространенных определений буллинга, предложенное Д. Ольшеусом, описывает его, как одно-

стороннюю травлю, целенаправленное нанесение вреда жертве, обладающее такими характеристиками, как намеренность, повторяемость вредоносного поведения, дисбаланс силы между жертвой и преследователем (Olweus, 2013). Д. Ольвеус считает, что данные критерии применимы и для кибербуллинга.

В литературе встречаются следующие виды буллинга.

– *Традиционный буллинг* может принимать различные формы и проявляться через разнообразные виды поведения. Буллинг может быть не только физическим, но также вербальным, реляционным и социальным.

– *Вербальный буллинг* включает в себя использование оскорбительных слов, угроз или насмешек в отношении человека. Этот вид буллинга может приводить к эмоциональным травмам и затруднять нормальное развитие личности.

– *Реляционный буллинг* сосредотачивается на разрушительной манипуляции социальными связями человека. Это может включать исключение из группы, распространение неправдивых слухов или умышленное разрушение дружеских отношений. Реляционный буллинг может серьезно подорвать чувство самооценки и привести к социальной изоляции.

– *Социальный буллинг* акцентируется на ущемлении личности человека из-за его социального статуса, внешности или других особенностей. Это может включать надругательства на основе расы, пола, религии, национальности и других характеристик. Социальный буллинг создает неблагоприятную атмосферу и препятствует нормальной социализации.

– *Физический буллинг* представляет собой физическое насилие или угрозу физическим насилием в отношении другого человека. Это могут быть физические нападки, удары, толчки или другие формы насилия, которые причиняют боль и страх жертве.

Марк и Рэлифф утверждают, что кибербуллинг так же, как и традиционный буллинг, отражает форму реляционного издевательства, а Спирс вместе с другими исследователями, помимо реляционной, называют также косвенную и социальную формы (Mark, Ratliffe, 2011; Spears, Slee, Owens, Johnson, 2009). Среди примеров вышеперечисленных форм поведения называются: разжигание конфликтов, издевательства, оставление уничижительных комментариев, угрозы, шантаж, распространение сплетен и слухов, создание фейковых аккаунтов для рассылки дискредитирующей жертву информации, раскрытие личной/конфиденциальной информации жертвы без ее разрешения и социальная изоляция – все это акты реляционного, косвенного и социального кибербуллинга, которые могут осуществляться с помощью интернет-технологий.

Ванг, Яннотти и Люк также утверждали, что кибербуллинг имеет схожие черты с буллингом, поскольку оба включают словесное издевательство, социальную изоляцию и распространение слухов (Wang, Iannotti, Luk, 2012).

Подобно традиционному буллингу, кибербуллинг может быть прямым или косвенным (Vandebosch, van Cleemput, 2009). *Прямой кибербуллинг* охватывает множество форм, которые включают физическое, вербальное, невербальное и социальное вредоносное поведение в онлайн-пространстве. Примером физического кибербуллинга может быть намеренная отправка зараженных

вирусами файлов, которые могут нанести вред компьютерной системе или устройству. Вербальный кибербуллинг включает в себя использование интернета или мобильных телефонов для оскорбительных высказываний или угроз. Невербальный кибербуллинг может проявляться в рассылке угрожающих или непристойных изображений. Примером социального кибербуллинга может быть исключение человека из онлайн-группы. *Косвенный кибербуллинг*, в свою очередь, включает в себя другие формы агрессивного поведения в онлайн-пространстве. Разглашение доверенной информации может быть использовано как инструмент изоляции и стигматизации жертвы. Маскировка предполагает обман других людей, выдавая себя за кого-то другого, что может нанести серьезный вред психическому и эмоциональному благополучию пострадавшего. Распространение сплетен по мобильным телефонам, электронной почте или в чатах служит еще одним способом дезинформации и манипуляции, что может привести к серьезным последствиям для жертвы.

В то же время другие авторы утверждают, что характеристики, свойственные традиционному буллингу в отношении кибербуллинга, имеют значимые нюансы. Дули, Пыжальски и Кросс утверждают, что важно концептуализировать кибербуллинг (в отличие от традиционного буллинга), чтобы гарантировать, что все аспекты кибербуллинга полностью изучены (Dooley, Pyżalski, Cross, 2009). Хуан и Чоу делают акцент на развивающемся цифровом мире и распространении онлайн-технологий, которые, по их мнению, привели к возникновению новых форм издевательств. Исследователи считают, что кибербуллинг не является просто электронной формой агрессии или продолжением традиционного буллинга, а представляет собой отдельное и отличающееся явление (Huang, Chou, 2010).

Пишль и другие исследователи обращают внимание на то, что многие из ключевых характеристик традиционного буллинга могут не относиться к кибербуллингу или могут иначе проявляться в условиях кибербуллинга. Из этого, по мнению исследователей, следует важность дополнительного изучения понятия «кибербуллинг» (Pieschl, Kuhlmann, Prosch, 2015).

Возвращаясь к характеристикам буллинга, таким как намеренность, повторяемость, дисбаланс силы между жертвой и преследователем, которые, по мнению Д. Ольвеус, применимы и для кибербуллинга, рассмотрим каждый из этих критериев относительно кибербуллинга (Olweus, 2013).

Некоторые исследователи считают, что дисбаланс власти нельзя назвать реальной характеристикой кибербуллинга, так как технологии нейтрализуют и власть, и статус (Lapidot-Lefl, Dolev-Cohen, 2015). Но другие исследователи считают, что дисбаланс власти между агрессором и жертвой в кибербуллинге определяется не превосходством физических или количественных сил, а такими факторами, как знания и навыки в области информационных технологий, а также анонимность (Raskauskas, Stoltz, 2007; Slonje, Smith, Frisé, 2013; Thomas, Connor, Scott, 2015).

Анонимность называется определяющим фактором дисбаланса власти в кибербуллинге, так как способность агрессора сохранять свою анонимность

имеет влияние на равновесие сил между агрессором и жертвой. В результате анонимности агрессор приобретает большую мощь из-за возможности скрыть свою личность и вызвать подозрения относительно того, кем он является (Davies, Randall, Ambrose, 2014; Patchin, Hinduja, 2010). Глобальный масштаб потенциальной аудитории свидетелей так же является фактором дисбаланса власти, так как минимизирует возможности жертвы значимо отреагировать на эпизоды кибербуллинга (Butler, Kift, Campbell, 2009). Это также усугубляется сложностью удаления из сети личной информации, размещенной в результате эпизода кибербуллинга.

Относительное отсутствие надзора в онлайн среде потенциально дает возможность виновникам кибербуллинга совершать действия безнаказанно, что тоже является иллюстрацией дисбаланса сил между жертвой и агрессором.

Результаты исследований показали, что независимо от того, каким образом концептуализируется дисбаланс сил в кибербуллинге, когда существует воспринимаемый дисбаланс сил между жертвой и агрессором, люди оценивают этот эпизод более негативно. Исследователями был сделан вывод о том, что дисбаланс между преступником и жертвой кибербуллинга необязательно должен поддаваться количественной оценке свидетелями, а, скорее, должен быть чем-то, что предполагается жертвой кибербуллинга (Talwar, Gomez-Garibello, Shariff, 2014). Спирс и другие исследователи провели аналогичное качественное исследование, и результаты показали, что люди связывают дисбаланс власти в кибербуллинге с чувством беспомощности, которое жертва испытывает, когда подвергается кибербуллингу (Spears, Slee, Owens, Johnson, 2009).

Одним из наиболее часто обсуждаемых аспектов кибербуллинга является природа повторения. Повторение кибербуллинга может принимать различные формы. Например, жертва может подвергаться повторяющемуся воздействию со стороны одного и того же агрессора, один эпизод кибербуллинга может неоднократно просматриваться множеством разных аудиторий, или одно и то же действие может быть совершено людьми, которые не были первоначально агрессорами. Все вышеперечисленные действия представляют собой разные формы повторения, но их все равно можно рассматривать как повторение в контексте кибербуллинга (Slonje, Smith, Frisén, 2013).

Дули, Пыжальски и Кросс утверждают, что неоднократный просмотр одного и того же эпизода кибербуллинга разными аудиториями, имеющими намерение высмеять жертву, приводит к тому, что жертва испытывает неоднократное унижение. И хотя фактически действие не повторяется, негативное влияние травли на жертву продолжается (Dooley, Pyżalski, Cross, 2009).

Родкин и Фишер предлагают отнести к повторению не как к определяющему элементу кибербуллинга, а как к методу для определения степени серьезности эпизода кибербуллинга. В частности, одно действие, которое видит потенциальная аудитория, постоянно растущая и неограниченная, может иметь большее воздействие, чем несколько повторяющихся действий, которые сводятся к обмену сообщениями между жертвой и агрессором (Rodkin, Fischer, 2012).

Аспект повторения и аудитория оказывают влияние на степень, в которой акты кибербуллинга могут считаться постоянными (Bauman, Yoon, 2014). По сравнению с эпизодами традиционного буллинга, которые со временем могли исчезнуть из памяти, в зависимости от средств массовой информации, используемых для нападения на человека, эпизод кибербуллинга может иметь постоянную запись.

Существует также возможность того, что жертва неоднократно просматривает один и тот же эпизод издевательств (Srivastava, Gamble, Boey, 2013). Эта способность жертвы анализировать и воспроизводить эпизод кибербуллинга является уникальной характеристикой кибербуллинга, поскольку, в отличие от многих случаев традиционного буллинга, существуют физические доказательства факта кибертравли. Кроме того, Мишна, Сайни и Соломон сообщили, что в фокус-группах, изучающих восприятие кибербуллинга, участники обсуждали, как опыт кибербуллинга подрывает их чувство безопасности дома (Mishna, Saini, Solomon, 2009). В частности, поскольку повторение эпизодов кибербуллинга может произойти в любое время из-за особенностей технологии, участники расценивали кибербуллинг, как нечто непрерывное и особенно агрессивно влияющее на эмоциональное состояние жертв (по сравнению с традиционным буллингом).

Цифровая среда является важным фактором в раскрытии понятия кибербуллинга. Цифровая среда обладает рядом уникальных характеристик, которые влияют на опыт кибербуллинга, такие как: анонимность, отсутствие географических ограничений, широкий охват и высокая скорость распространения информации, легкость сохранения вредоносного контента. Социальные сети и другие онлайн-платформы также могут усиливать кибербуллинг путем предоставления площадки для негативных комментариев, клеветы и распространения неправдивой информации. Лайки, комментарии и распространение в социальных сетях могут создавать давление и влиять на психологическое состояние жертвы кибербуллинга. В целом, цифровая среда усиливает и распространяет кибербуллинг, делая его более доступным и сильнодействующим.

По сравнению с реальным миром, цифровая среда характеризуется более свободными правилами и менее ограничительными нормами социального взаимодействия. Таким образом, цифровая среда дает людям широкий спектр возможностей для того, чтобы представить себя в различных вариациях и проявляться более открыто в выражении своего мнения. Важно отметить, что многие из них могут испытывать дискомфорт, пытаясь выразить свои мысли в реальном мире (Alvarez, 2012).

Одним из теоретических объяснений того, почему люди чувствуют себя менее скованными в цифровом мире, является эффект онлайн-растормаживания (Barlett, Gentile, Chew, 2014). Эффект онлайн-растормаживания возникает, когда люди считают, что их поведение в Интернете не связано с их действиями при личном общении. Помимо поведенческой диссоциации, люди также испытывают когнитивную диссоциацию в плане своих мыслительных процессов. В совокупности эти диссоциации приводят к таким изменениям,

что когнитивные процессы, призванные опосредовать поведенческое и моральное взаимодействие при взаимодействии в социальных ситуациях, не применяются к виртуальному миру. В конечном счете, именно эта диссоциация была предложена в качестве основной причины, по которой люди проявляют более экстремальное поведение при кибербуллинге, чем при традиционном буллинге (Vauman, Yoon, 2014).

Дж. Сьюлер выделил следующие факторы онлайн-коммуникации, способствующие растормаживанию: диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроекция, диссоциативное воображение, минимизация роли статуса и авторитета (Suler, 2004).

Анонимность является одним из основных факторов, способствующих растормаживанию. При использовании определенных технологий и обладании специальными техническими знаниями можно лишить пользователя его анонимного статуса, но интернет-пользователи чаще ограничиваются и доверяют информации, предоставленной другим человеком о самом себе. Когда люди имеют возможность представить себя под другим именем, полом, биографией, они могут почувствовать себя менее уязвимыми при раскрытии своей личности и оценке своих действий со стороны окружающих. Это создает иллюзию отделения онлайн-личности от реального «я». Важно отметить, что анонимность может приводить к асоциальному поведению. Отсутствие реальной ответственности за свои действия в сети может спровоцировать людей на более рискованное и непродуманное поведение, которое в обычной жизни они, возможно, не совершили бы. А процесс диссоциации способствует отделению чувства моральной ответственности (Suler, 2004). Оценки распространенности анонимности среди киберпреследователей сильно разнятся и составляют от 43% до 80% (Gini, 2006; Patchin, Hinduja, 2006; Selkie, Kota, Chan, Moreno, 2015; Smith, 2008).

Невидимость на первый взгляд может показаться похожей на анонимность, однако, они имеют существенные различия. Даже если личность человека известна, возможность быть физически невидимым усиливает эффект растормаживания. Дж. Сьюлер объясняет эффект невидимости, как отсутствие невербальной информации, особенно негативных сигналов, которые могут возникать при агрессивном онлайн-поведении (Suler, 2004).

Асинхронность коммуникации также способствует растормаживанию и уходу от социальных норм. При прямом общении запускаются механизмы социального контроля, которые активизируются за счет непрерывной обратной связи. В онлайн общении реакции окружающих отсрочены, и это может приводить, с одной стороны, к возможности обдумать свой ответ, а с другой стороны, дает простор для нежелательных действий и высказываний (Suler, 2004).

Солипсическая интроекция – это процесс, формированию которого способствует отсутствие возможности видеть собеседника в сочетании с текстовым общением. Солипсическая интроекция позволяет воспринимать собеседника как «голос в голове», персонаж интрапсихического мира. Представления о котором сближаются с представлениями о самом себе. В результате образ онлайн-собеседника в сознании человека формируется не только на основании

информации, полученной через текст, а также на личных ожиданиях и представлениях. Этот процесс усиливает переживания взаимодействия и способствует растормаживанию (Suler, 2004).

Диссоциативное воображение – это процесс, при котором люди рассматривают свою онлайн жизнь, как своего рода игру, правила и нормы которой неприменимы к реальной жизни. Они могут чувствовать, что их виртуальная личность и действия в онлайн никак не связаны с их реальной жизнью и ответственностью. Анонимность усиливает эффект диссоциативного воображения (Suler, 2004).

Кроме того, в онлайн-коммуникации затруднена демонстрация атрибутов авторитета или статуса, что приводит к равенству позиций, и вследствие этого более раскованному поведению и высказываниям (Suler, 2004).

Еще один фактор, способствующий негативному растормаживанию – дегуманизация жертвы, облегчаемая тем, что взаимодействие происходит не между живыми людьми, а между профилями, скрытыми за аватарами, которые представляют собой зачастую нереалистичные изображения (Suler, 2004).

Цифровой мир, связанный с изменениями морали в киберпространстве, также влияет на эмпатию. В частности, Мейсон утверждал, что по своей природе цифровой мир не способствует развитию эмпатии, люди могут с большей вероятностью участвовать в кибербуллинге, потому что они могут не испытывать сочувствия к жертве (Mason, 2008).

Эспиноза и Клементе утверждают, что время, которое люди проводят на интернет-площадках (в частности, в социальных сетях), отвлекает от времени, потраченного на другие виды деятельности (Espinosa, Clemente, 2013).

Существуют эмпирические данные о том, что люди, которые проводят больше времени в социальных сетях, с большей вероятностью станут объектом и виновниками кибербуллинга (Didden et al., 2009).

ЛИЧНОСТНАЯ СПЕЦИФИКА И ПРЕДИКТОРЫ КИБЕРБУЛЛИНГА

О.С. Дейнека, Л.Н. Духанина и А.А. Максименко среди предикторов кибербуллинга называют такие: количество времени и интенсивность использования интернета, количество друзей и подписчиков (при этом, как слишком маленькое их количество, так и слишком большое их количество может коррелировать с высоким показателем виктимизации); уровень самораскрытия; низкий уровень эмпатии; пренебрежение конфиденциальностью; девиантное поведение; возраст (авторы сообщают о наличии исследований, подтверждающих, что люди более младшего возраста чаще сталкиваются с ситуациями кибербуллинга (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020)).

Такие личностные особенности, как открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, дружелюбность и нейротизм, имеют взаимосвязь с онлайн-поведением. Наличие более высоких показателей по экстраверсии взаимосвязано со склонностью заводить большее количество друзей в социальных сетях, а также со склонностью раскрывать больше личной информации о себе. Низкая степень дружелюбия напрямую связана с кибербуллингом. Наличие провоци-

рующего на кибербуллинг контента в профиле пользователя имеет обратную связь с высокой степенью добросовестности, дружелюбия и эмоциональной стабильности. Некоторые другие исследования показали, что высокие показатели экстраверсии и нейротизма с низкими показателями добросовестности и дружелюбия связаны с выбором роли агрессора в кибербуллинге. При этом высокие показатели открытости к опыту нейротизма имеют взаимосвязь с ролью жертвы (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020).

Низкий уровень дружеской поддержки, негативное семейное окружение и сексуальное насилие усиливают риски виктимизации и кибербуллинга, и, напротив, высокая степень дружеской поддержки сверстников, наличие теплых отношений, поддержка близких являются защитным фактором от виртуальной травли (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020).

Н.В. Горлова, А.А. Бочавер и К.Д. Хломов выделяют следующие предикторы кибербуллинга. Индивидуально-личностными предикторами виктимизации при кибербуллинге являются: низкая самооценка, социальная тревожность и одиночество; а при буллинге и кибербуллинге – депрессия и генерализованная тревога. Индивидуально-личностными предикторами преследования при кибербуллинге стали психотические черты (подлость и рассторможенность при низком уровне самоуверенности и наглости); время, проведенное в чатах и социальных сетях; опыт жертвы кибербуллинга; участие в качестве преследователя в традиционном буллинге; низкая самооценка, а при буллинге и кибербуллинге – низко выраженная эмпатия и слабо развитые социальные навыки (Горлова, Бочавер, Хломов, 2021).

Исследование, проведенное на подростковой выборке, выявило взаимосвязь мужского пола, низкого уровня когнитивной эмпатии и роли агрессора в кибербуллинге. Кроме того, оно подчеркивает важность факторов, таких как время, проведенное в чатах и социальных сетях, опыт жертвы кибербуллинга, а также участие в традиционном офлайн-буллинге, которые могут увеличить вероятность последующего агрессивного поведения в киберпространстве. Опыт жертвы, скорее всего, накапливает внутреннюю агрессию и затем, при возникновении определенных обстоятельств, может выразиться через акт кибербуллинга в отношении других людей. Такая «идентификация с агрессором» может быть связана с желанием повысить свой статус в социальной группе и использовать те же методы, которые используются в офлайн среде (Горлова, Бочавер, Хломов, 2021; Lam, Cheng, Liu, 2013).

Многие исследователи говорят о большой распространенности кибербуллинга среди молодых людей в университетах (Arıcak, 2009; Muraа, Erdur-Baker, 2011). Молодые люди и студенты университетов являются частыми пользователями технологий и часто лидируют в адаптации новых технологий для повседневного использования. Из-за конкурентоспособности студенты с большей вероятностью могут быть вовлечены в инциденты издевательств (Kokkinos, Antoniadou, Markos, 2014).

Исследования показали, что участие в кибербуллинге прогнозируется по времени, проведенному в сети, и времени, проведенному на сайтах социальных

сетей среди студентов колледжей и университетов (Walker, Sockman, Koehn, 2011). Выше говорилось о важности роли, которую играет глобальная аудитория в максимизации воздействия киберагрессора на жертву. Роль аудитории также имеет большое значение в качестве одного из предикторов кибербуллинга.

Салмивалли утверждает, что свидетели эпизодов традиционного буллинга играют важную роль как в смягчении, так и в подкреплении агрессивного поведения. Многие свидетели могут подкреплять поведение преступника своими вербальными или невербальными реакциями, некоторые могут присоединиться к преступнику, а хранящие молчание могут непреднамеренно подкреплять действия преступника. Но, с другой стороны, некоторые свидетели могут поддержать, защитить жертву, заявить о неуместности поведения агрессора. Помимо потенциального ограничения действий преступников, эти свидетели, которые вмешиваются, чтобы оказать поддержку жертве, также обеспечивают защитный буфер для объекта травли от некоторых негативных последствий адаптации, связанных с переживанием издевательств (Salmivalli, 2014).

Обермейер указывал на наличие «эффекта свидетеля» в онлайн-коммуникации. Чувство ответственности и намерение вмешаться свидетелей было более выраженным, если они считали, что за инцидентом наблюдает меньше свидетелей (Allison, Bussey, 2016).

А. Сармьенто, М. Эррера-Лопез и И. Зик разделяли роли свидетелей в кибербуллинге на следующие подтипы: пассивный свидетель, защитник и поддерживающий киберпреследователя (Sarmiento, Herrera-López, Zych, 2019).

К.Р. Эллисон и К. Басси выделили различия в роли свидетеля в кибербуллинге с традиционным буллингом. Свидетели традиционного буллинга ограничены пространственными и временными характеристиками, в отличие от свидетелей кибербуллинга, которые могут оставаться свидетелями эпизодов кибербуллинга неограниченное количество времени (Allison, Bussey, 2016).

Пересылка и множественное распространение сообщений агрессора способствует перевоплощению свидетеля в киберагрессора. Изменение роли зависит от контекста ситуации (Bastiaensens, 2014). Н. Мокси и К. Басси попытались классифицировать роли свидетелей – защитников и выделили следующие стили вмешательства: агрессивный; конструктивный, сфокусированный на жертве; конструктивный, сфокусированный на преследователе (Мохеу, Bussey, 2020).

Агрессивный стиль вмешательства характеризуется активным и конфронтационным подходом к защите. Свидетели, которые принимают на себя роль защитника в агрессивном стиле, могут использовать язвительные, оскорбительные или угрожающие высказывания в адрес преследователя в попытке нейтрализовать его или ее действия. Конструктивный стиль вмешательства, сфокусированный на жертве, предполагает участие свидетелей в защите с акцентом на эмоциональную поддержку жертвы. Такие свидетели обычно предлагают конструктивные решения для улучшения ситуации и помощи пострадавшему. Они могут использовать тактику позитивного подкрепления и активно проявлять эмпатию в отношении жертвы. Конструктивный стиль вмешательства, сфокусиро-

ванный на преследователе, направлен на изменение поведения преследователя. Свидетели, использующие этот стиль, могут предлагать альтернативные способы решения спорных ситуаций или попытаться разрядить конфликт, обращаясь непосредственно к преследователю. Они могут стараться изменить мотивацию или убедить преследователя отказаться от агрессивного поведения.

В качестве фактора, который влияет на выбор стиля вмешательства, многие исследователи обращают внимание на понятие отчуждения моральной ответственности, впервые описанное А. Бандурой (Bandura, 2002). Оно представляет собой набор механизмов саморегуляции, направленных на оправдание аморального поведения. Исследования показывают, что высокий уровень отчуждения моральной ответственности связан с агрессивным стилем вмешательства (Kowalski, Limber, Agatston, 2012).

Высокий уровень морального отчуждения может быть предиктором роли преследователя в кибертравле (Gini, 2006). Свидетели часто защищают жертв кибертравли или присоединяются к кибербуллингу, если другие свидетели ведут себя аналогичным образом (Bastiaensens, 2014). Родкин и Фишер предлагают делить агрессоров на два типа киберхулиганов: социально интегрированные и маргинализованные хулиганы. Социально интегрированные хулиганы могут участвовать в актах кибербуллинга, потому что это дает им возможность не стать мишенью для других преступников. И наоборот, маргинализованные хулиганы могут заниматься кибербуллингом как способом получения власти, потому что у них есть трудности с саморегуляцией, проблемы с контролем импульсов или желание получить социальный статус, которого они не могут достичь с помощью других механизмов (Rodkin, Fischer, 2012).

Исследование, посвященное восприятию агрессорами, характеризующимися как маргинализованные, последствий своего поведения и особенностей их психического состояния, выявило следующие результаты. Оказалось, что агрессоры не воспринимали свои действия как жестокие или способные нанести вредоносное воздействие на жертву. Однако агрессоры испытывали более высокий уровень стресса, депрессии и тревожности по сравнению с людьми, не вовлеченными в кибербуллинг (Campbell, 2013).

Родкин и Фишер утверждают, что поведение социально интегрированных хулиганов можно рассматривать как адаптивное и функциональное, а поведение маргинализованных хулиганов является неадаптивным и дисфункциональным (Rodkin, Fischer, 2012).

В связи с тем, как было отмечено выше, дисбаланс власти в кибербуллинге в меньшей степени зависит от физических качеств, появляется все больше свидетельств того, что многие жертвы традиционного буллинга используют кибербуллинг как механизм возмездия против своего обидчика (König, Gollwitzer, Steffgen, 2010).

Подводя итог, можно сказать, что предикторами виктимизации при кибербуллинге являются: низкая самооценка; социальная тревожность; одиночество; депрессия и генерализованная тревога. Предикторами преследования при кибербуллинге являются: подлость и расторможенность при низком уров-

не самоуверенности и наглости; время, проводимое в социальных сетях; опыт жертвы кибербуллинга; участие в качестве преследователя в традиционном буллинге; низкая самооценка; низкий уровень эмпатии и слабо выраженные социальные навыки. Эти уникальные особенности побуждают исследователей продолжать изучать различные проявления кибербуллинга.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ КИБЕРБУЛЛИНГА

Целью данного эмпирического исследования стало проведение комплексного исследования особенностей восприятия людьми с разными личностными характеристиками ситуаций различных видов кибербуллинга, таких как: троллинг, флейминг, киберсталкинг, разглашение конфиденциальной информации, самозванство, хейтинг, киберотчуждение, хэппислепинг, грифинг, клевета, харасмент, астротурфинг.

Основная *гипотеза* нашего исследования заключалась в определении существования взаимосвязей между особенностями восприятия ситуаций кибербуллинга и индивидуальными особенностями, такими как пол, возраст, уровень эмпатии, наличие травмирующего опыта в прошлом.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих *методик*.

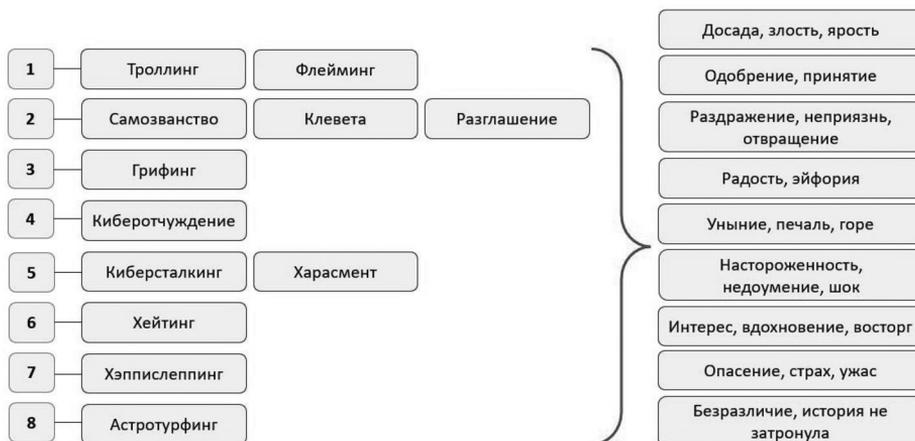
1. Методика «Миссисипская шкала для определения посттравматических реакций (гражданский вариант)» Т. Keane, D. Vreven et al. Адаптация Н.В. Тарабрина и др. (Тарабрина, 2007), позволяющая определить степень выраженности посттравматической симптоматики у гражданского населения.

2. Методика «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии» М.А. Окатовой (Окатова, 2021), позволяющая оценить уровень общей эмпатии, а также способность к децентрации, склонность к децентрации, отзеркаливание эмоций, чувствительность к близким и общую чувствительность.

В качестве *стимульного материала* испытуемым были предложены короткие кейсы, которые основывались на реальных историях людей и включали в себя различные виды кибербуллинга. После прочтения каждого кейса людям предлагалось выбрать из списка предлагаемых эмоций максимально близкую к той эмоции, которую они чувствовали во время чтения кейсов (рис. 1).

Истории, использованные в кейсах, подбирались и компоновались таким образом, чтобы подчеркнуть черты и особенности входящих в кейс видов кибербуллинга. В нескольких историях были объединены некоторые виды кибербуллинга по причине того, что эти виды кибербуллинга имеют некоторые схожие черты и в жизни часто встречаются вместе в одной и той же ситуации кибербуллинга. Рассмотрим в качестве примера один из кейсов.

Кейс №1: «Анна опубликовала на форуме свою статью о преимуществах вегетарианства. Она поделилась своим опытом и привела аргументы в пользу этого образа жизни. Однако вместо конструктивной дискуссии ее статья стала объектом троллинга со стороны некоторых пользователей. Некоторые из них начали писать оскорбительные и неприятные комментарии, несовпадающие

Рис. 1. Структура стимульного материала

с темой обсуждения. Они намеренно пренебрегали аргументами Анны и продолжали писать злобные и язвительные комментарии. Через время под статьей разразилась жаркая словесная перепалка. Комментаторы атаковали друг друга и использовали сарказм и оскорбления в адрес друг друга. Спустя некоторое время спор затих, а участники переписки вернулись к своим личным делам. Анна испытала разочарование и грусть, увидев, что ее статья вызвала такую негативную и враждебную реакцию».

В данном кейсе объединены 2 вида кибербуллинга, которые в жизни часто присутствуют вместе. Флейминг является частым последствием троллинга. А целью троллинга часто бывает провоцирование онлайн-аудитории на словесную перепалку.

Процедура исследования. Исследование проводилось в виде онлайн-опроса при помощи Google form, где были размещены вводная анкета, блоки с методиками и стимульный материал.

– I блок: анкета респондента с общими характеристиками выборки – пол, возраст, семейное положение, уровень образования.

– II блок: предъявление стимульного материала в виде коротких кейсов по разным видам кибербуллинга; респондентам предлагалось выбрать из предложенных вариантов с перечнем эмоций те варианты, которые максимально близко похожи на эмоции, которые испытал респондент после прочтения предложенного кейса.

– III блок: диагностика наличия травматического опыта посредством методики «Миссисипская шкала для определения посттравматических реакций (гражданский вариант)», в адаптации Н.В. Тарабрина и др.

– IV блок: диагностика уровня когнитивной и аффективной эмпатии через методику «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии» М.А. Окатовой.

– V блок: анкета для выяснения наличия опыта кибербуллинга у респондентов.

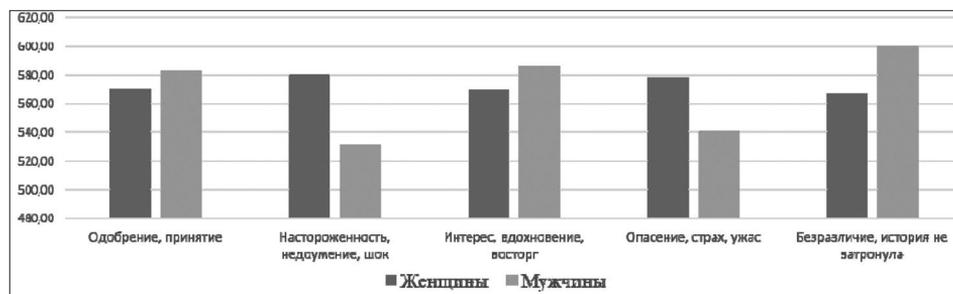
Участники исследования. Для привлечения респондентов к участию в исследовании в интернет группах и сообществах, в том числе в социальных сетях, были размещены ссылки на прохождение опроса. В итоге количество респондентов составило 143 человека: 84% женщин и 16 % мужчин в возрасте от 19 до 65 лет.

Анализ данных. Обработка данных производилась с помощью программ SPSS Statistics 22; для анализа использовались методы непараметрической статистики (поскольку, по критерию Калмогорова-Смирнова, эмпирическое распределение данных статистически значимо отличалось от нормального), а также методы описательной статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Используя критерии U. Манна-Уитни и Н. Краскелла Уолиса, мы сравнили, как люди, в зависимости от разных социально-демографических и личностных характеристик, реагируют на предложенные ситуации кибербуллинга.

По полу испытуемых были обнаружены статистически значимые различия выборов эмоции по следующим группам: одобрение, принятие ($p=0.003$); настороженность, недоумение, шок ($p=0.023$); интерес, вдохновение, восторг ($p=0.002$); опасение, страх, ужас ($p=0.049$); безразличие, история не затронула ($p=0.037$) (рис.2).

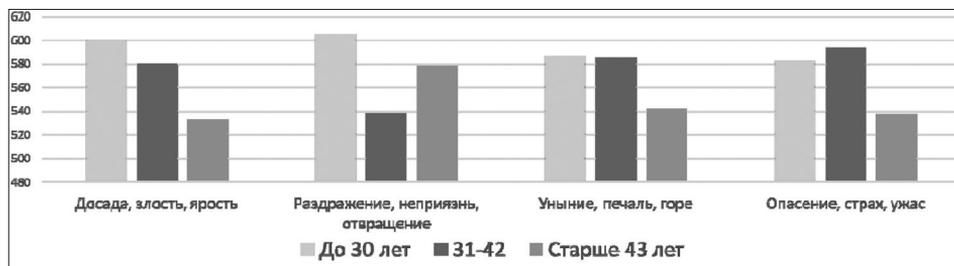
Рис. 2. Статистически значимые различия по полу (по всем ситуациям в целом)

Мужчины в целом чаще, чем женщины, оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций: одобрение, принятие; интерес; вдохновение, восторг; безразличие, история не затронула.

Женщины в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций: настороженность, недоумение, шок; опасение, страх, ужас.

По возрасту респондентов для статистической обработки было сделано разделение респондентов на 3 равные группы: до 30 лет, от 31 года до 42 лет и старше 43 лет.

По возрасту испытуемых были обнаружены статистически значимые различия выборов эмоций по следующим группам: досада, злость, ярость ($p=0,002$); раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,002$); уныние, печаль, горе ($p=0,006$); опасение, страх, ужас ($p=0,003$) (рис. 3).

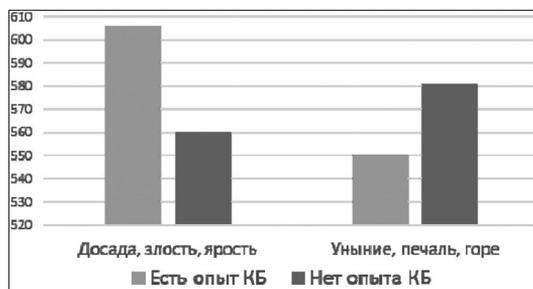

Рис. 3. Статистически значимые различия по возрасту (по ситуациям в целом)

На основании полученных данных можем сделать следующие выводы: люди младше тридцати лет, входящие в первую возрастную группу, в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость; раздражение, неприязнь, отвращение; уныние, печаль, горе, чем люди более старшего возраста, входящие во вторую и третью возрастные группы. Люди среднего возраста, входящие во вторую возрастную группу в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: опасение, страх, ужас, чем люди из первой и второй групп.

По наличию опыта кибербуллинга (данные ответов на открытый вопрос) респонденты были разделены на 2 группы: с наличием опыта кибербуллинга и с отсутствием такого опыта. Были получены следующие групповые различия (рис. 4).

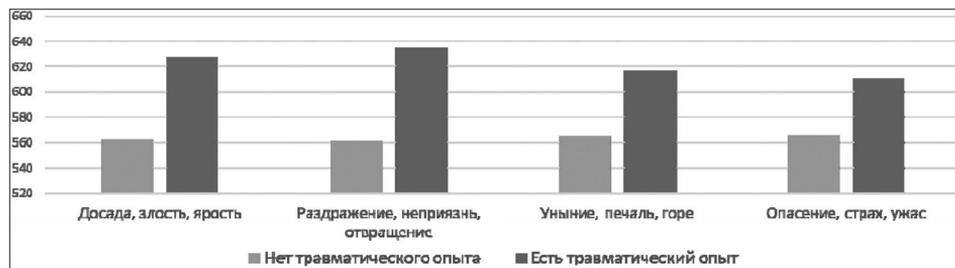
По опыту кибербуллинга различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам эмоций: досада, злость, ярость ($p=0,011$) и уныние, печаль, горе ($p=0,035$).

Рис. 4. Статистически значимые различия по наличию опыта кибербуллинга (по ситуациям в целом)

Люди, сталкивающиеся в своей жизни с ситуациями кибербуллинга в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость, чем люди, которые сообщили о том, что никогда не сталкивались с ситуациями кибербуллинга. Люди, которые сообщили о том, что никогда не сталкивались в своей жизни с ситуациями кибербуллинга, в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди, которые сталкивались с ситуациями кибербуллинга.

По наличию *травматического опыта* респонденты были разделены на 2 группы: с травматическим опытом и без травматического опыта. Были получены статистически значимые различия оценки эмоций по группам: досада, злость, ярость ($p=0,004$); раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,001$); уныние, печаль, горе ($p=0,003$); опасение, страх, ужас ($p=0,025$) (рис.5).

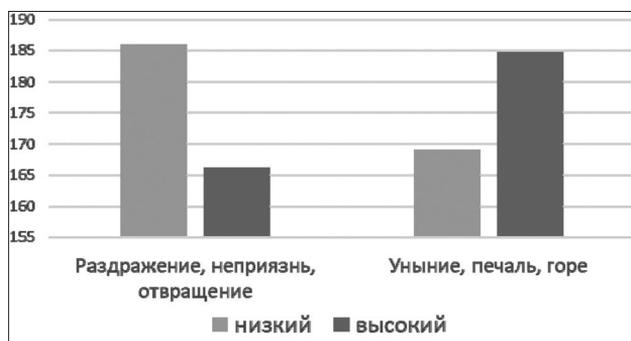
Рис. 5. Статистически значимые различия по наличию *травматического опыта* (по всем ситуациям в целом)

Люди с наличием *травматического опыта* в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость; раздражение, неприязнь, отвращение; уныние, печаль, горе; опасение, страх, ужас, чем люди, у которых нет *травматического опыта*.

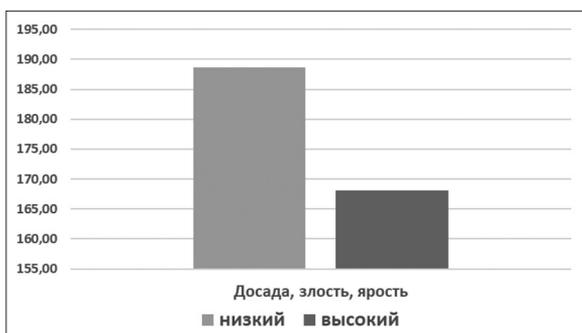
По значениям шкал и субшкал опросника *когнитивной и аффективной эмпатии* (когнитивная эмпатия – способность к децентрации, склонность к децентрации; аффективная эмпатия – отзеркаливание эмоций, чувствительность к близким, общая чувствительность) для статистического анализа респонденты были разделены на 3 группы, через перевод в Z значения, а статистический анализ проводился по контрастным группам с низким и высоким уровнем выраженности признаков.

Мы сравнили, как люди, в зависимости от уровня когнитивной эмпатии, реагируют на предложенные ситуации. По уровню когнитивной эмпатии различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,016$) и уныние, печаль, горе ($p=0,024$). Люди, имеющие низкий уровень когнитивной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: раздражение, неприязнь, отвращение, чем люди с высоким уровнем когнитивной эмпатии. Люди, имеющие высокий уровень когнитивной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди с низким уровнем когнитивной эмпатии (рис. 6).

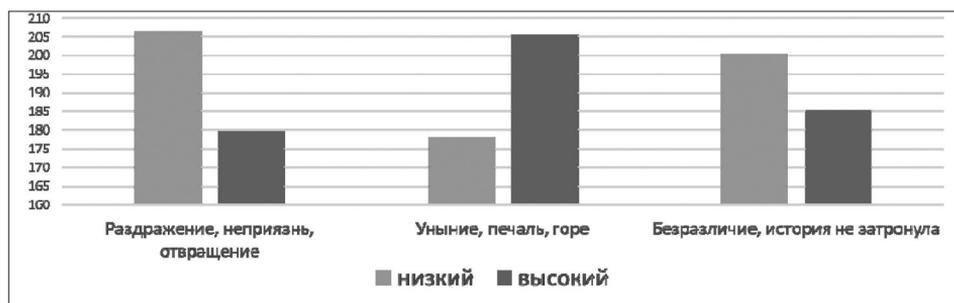
По уровню *способности к децентрации* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группе: досада, злость, ярость ($p=0,022$). На основании данных можем сделать следующие выводы: люди, имеющие низкий уровень способности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость, чем люди с высоким уровнем способности к децентрации (рис.7).

Рис. 6. Статистически значимые различия по уровню эмпатии (по всем ситуациям в целом)

Рис. 7. Статистически значимые различия по уровню способности к децентрации (по всем ситуациям в целом)

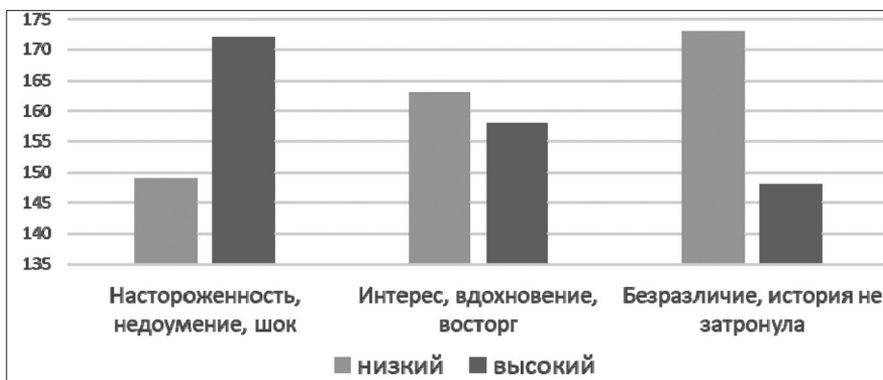
Рис. 8. Статистически значимые различия по уровню склонности к децентрации (по всем ситуациям в целом)

По уровню склонности к децентрации различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,003$); уныние, печаль, горе ($p=0,000$); безразличие, история не затронула ($p=0,023$) (рис. 8).

Люди, имеющие низкий уровень склонности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: раздражение, неприязнь,

отвращение и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем склонности к децентрации. Люди, имеющие высокий уровень склонности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди с низким уровнем склонности к децентрации.

По уровню *аффективной эмпатии* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: настороженность, недоумение, шок ($p=0,004$); интерес, вдохновение, восторг ($p=0,024$); безразличие, история не затронула ($p=0,000$) (рис. 9).

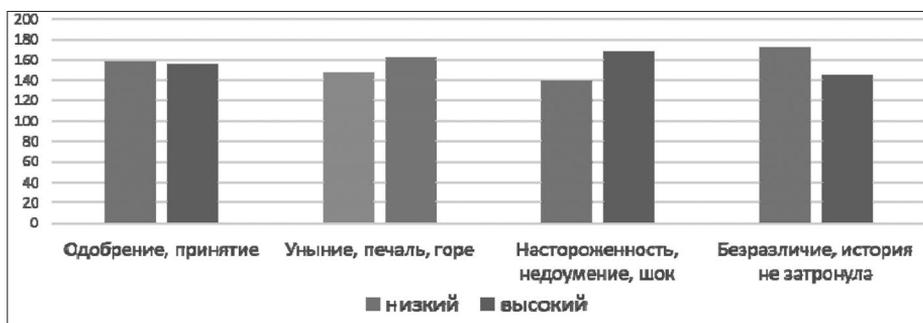

Рис. 9. Статистически значимые различия по аффективной эмпатии (по всем ситуациям в целом)

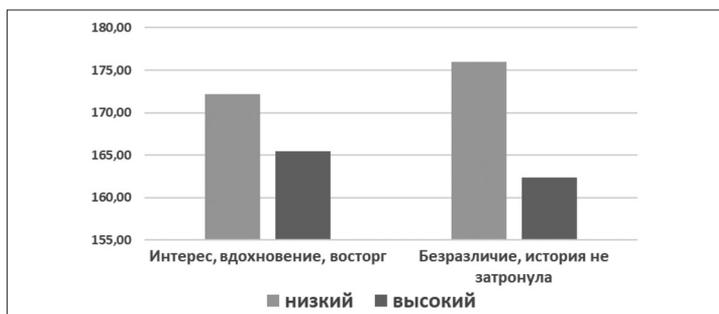
Люди, имеющие низкий уровень аффективной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем аффективной эмпатии. Люди, имеющие высокий уровень аффективной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: настороженность, недоумение, шок, чем люди с низким уровнем аффективной эмпатии.

По уровню *отзеркаливания эмоций* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: одобрение, принятие ($p=0,037$); настороженность, недоумение, шок ($p=0,001$); безразличие, история не затронула ($p=0,000$); уныние, печаль, горе на уровне тенденции ($p=0,054$) (рис. 10). Люди, имеющие низкий уровень отзеркаливания эмоций в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: одобрение, принятие и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем отзеркаливания эмоций. Люди, имеющие высокий уровень отзеркаливания эмоций в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе на уровне тенденции и настороженность, недоумение, шок, чем люди с низким уровнем отзеркаливания эмоций.

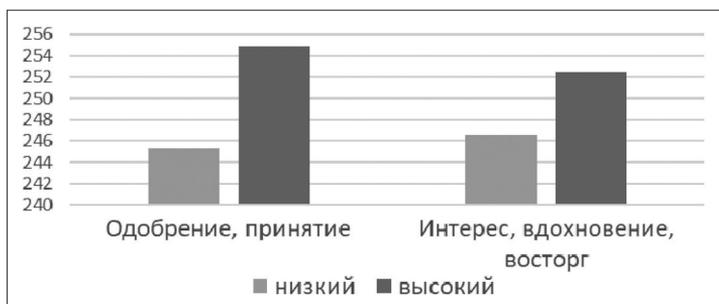
По уровню *чувствительности к близким* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: интерес, вдохновение, восторг ($p=0,007$) и безразличие, история не затронула ($p=0,034$) (рис. 11).

Рис. 10. Статистически значимые различия по уровню отзеркаливания эмоций (по ситуациям в целом)

Рис. 11. Статистически значимые различия по уровню чувствительности к близким (по ситуациям в целом)

Рис. 12. Статистически значимые различия по уровню общей чувствительности по ситуациям в целом

Люди, имеющие низкий уровень чувствительности к близким в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем чувствительности к близким.

Люди, имеющие высокий уровень *общей чувствительности* в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через интерес, вдохновение, восторг ($p=0,035$) и одобрение, принятие ($p=0,001$), чем люди с низким уровнем общей чувствительности (рис. 12).

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обобщая результаты исследования, можно сказать, что люди с разными социально-демографическими характеристиками, такими как пол, возраст; и индивидуальными особенностями, такими как наличие опыта кибербуллинга, наличие травматического опыта в прошлом, уровень когнитивной и аффективной эмпатии, по-разному оценивают ситуации кибербуллинга.

В ходе проведенного исследования была определена специфика восприятия ситуаций кибербуллинга разными людьми. В частности, было установлено следующее.

Мужчины в целом менее проблематично воспринимают ситуации кибербуллинга, чем женщины.

Люди младше 30 лет в целом чаще испытывают неприятные эмоции, оценивая ситуации кибербуллинга, чем люди более старшего возраста.

Были выявлены значимые различия при восприятии ситуаций кибербуллинга людьми с наличием опыта кибербуллинга и людьми без него. Люди с наличием травматического опыта чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающие в себя злость, раздражение, печаль, страх.

Люди с низким уровнем когнитивной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя раздражение. А люди с высоким уровнем когнитивной эмпатии чаще выбирали группу с эмоцией – печаль.

Люди с низким уровнем способности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя злость, чем люди с высоким уровнем к децентрации.

Люди с высоким уровнем склонности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя печаль.

Люди с низким уровнем склонности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих в себя раздражение и безразличие.

Люди с низким уровнем аффективной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих в себя интерес и безразличие. А люди с высоким уровнем аффективной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя настороженность.

Люди с высоким уровнем отзеркаливания эмоций чаще воспринимали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающие в себя настороженность и (на уровне тенденции) печаль. Люди с низким уровнем отзеркаливания эмоций чаще воспринимали ситуации кибербуллинга через одобрение и безразличие.

Люди с высоким уровнем чувствительности к близким тяжелее воспринимают ситуации кибербуллинга, чем люди с низким уровнем чувствительности к близким.

Люди, имеющие низкий уровень чувствительности к близким в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем чувствительности к близким.

Люди с высоким уровнем общей чувствительности проще воспринимают ситуации кибербуллинга, чем люди с низким уровнем чувствительности к близким. Люди, имеющие высокий уровень общей чувствительности в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих интерес, вдохновение, восторг и одобрение, принятие, чем люди с низким уровнем общей чувствительности.

Стоит отметить ограничения проведенного эмпирического исследования и направления дальнейших исследований: наши данные были получены преимущественно на исследовании позиций женщин относительно кибербуллинга, и это является некоторым ограничением, потому что мы можем распространять данные преимущественно на людей этого пола.

Тем не менее, практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных результатов при создании тренинговых мероприятий, направленных на профилактику кибербуллинга. А также (при условии расширения выборки) можно в дальнейшем использовать результаты в целях диагностики – определения групп риска кибербуллинга. Также результаты проведенного исследования могут послужить основой для разработки частных психодиагностических методик и тренинговых программ.

Литература

- Горлова Н.В., Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований // Национальный психологический журнал. 2021. – Т. 44. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-bullinga-kiberbullinga-i-viktimizatsii-obzor-sovremennyh-issledovaniy> (дата обращения: 25.10.2023).
- Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А.* Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. – Т. 47. – № 5. – С.273-292. doi: 10.32744/pse.2020.5.19
- Окатова М.А.* Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. – Т. 18. – №. 4. – С.685-699.
- Тарабрина Н.В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. – М.: Когито-Центр, 2007.
- Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А.* Кибербуллинг в опыте российских подростков. // Психология и право. 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219
- Allison K.R., Bussey K.* Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying // Children and Youth Services Review. 2016. – 65. – P. 183-194.
- Alvarez A.R.G.* «IH8U»: Confronting cyberbullying and exploring the use of cyber-tools in teen dating relationships // Journal of Clinical Psychology: In Session, 2012. – 68. – P.1205-1215.

- Arıcak O.T.* Psychiatric Symptomatology as a Predictor of Cyberbullying Among University Students // *Eurasian Journal of Educational Research*, 2009. – 34. – P. 167-184.
- Bandura A.* Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of moral education*, 2002. – V. 31, № 2. – P. 101-119.
- Barlett C.P., Gentile D. A., Chew C.* Predicting cyberbullying from anonymity // *Psychology of Popular Media Culture*. – Advanced online publication. 2014.
- Bastiaensens S.* Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully // *Computers in Human Behavior*, 2014. – № 1 (31). – P. 259-271.
- Bauman S., Yoon J.* This issue: Theories of bullying and cyberbullying // *Theory into Practice*, 2014. – 53. – P. 253-256.
- Belsey B.* Cyberbullying: An emerging threat to the «always on» generation // *Canadian Teacher Magazine*, Spring 2008. – P. 18-20.
- Butler D., Kift S., Campbell M.* Cyber bullying in schools and the law: Is there an effective means of addressing the power imbalance? // *eLaw Journal: Murdoch University Electronic Journal of Law*, 2009. – 16. – P. 84-114.
- Campbell M.A.* Do cyberbullies suffer too? Cyberbullies' perceptions of the harm they cause to others and to their own mental health: 2013. – P. 613-629.
- Davies K., Randall D.P., Ambrose A.* «I was bullied too»: Stories of bullying and coping in an online community // *Information, Communication & Society*, 2014. – 18. – P. 357-375.
- Didden R., Scholte R.H.J., Korzilius H., De Moor J.M.H., Vermeulen A., O'Reilly M., Lancioni G.E.* Cyberbullying among students with intellectual and developmental disability in special education settings // *Developmental Neurorehabilitation*, 2009. – №.12. – P. 146-151.
- Dooley J.J., Pyżalski J., Cross D.* Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review. *Zeitschrift für Psychologie* // *Journal of Psychology*, 2009. – 217. – P. 182-188.
- Espinosa P., Clemente M.* Self-transcendence and self-oriented perspective as mediators between video game playing and aggressive behaviour in teenagers // *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2013. – 23. – P. 68-80.
- Gini G.* Social cognition and moral cognition in bullying: What's wrong? // *Aggressive Behavior*. 2006. – № 6 (32). – P. 528–539.
- Huang Y.-Y., Chou C.* An analysis of multiple factors of cyberbullying among junior high school students in Taiwan. *Computers in Human Behavior*, 2010. – 26. – P. 1581-1590.
- Kokkinos C.M., Antoniadou N., Markos A.* Cyber-Bullying: An Investigation of The Psychological Profile of University Student Participants // *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2014. – 35. – P. 204-214.
- König A., Gollwitzer M., Steffgen G.* Cyberbullying as an act of revenge? // *Australian Journal of Guidance & Counselling*, 2010. – 20. – P. 210-224.
- Kowalski R.M., Limber Sue., Agatston P.W.* Cyberbullying: bullying in the digital Age. – 2012. – 282p.

- Lam L.T., Cheng Z., Liu X.* Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2013. — 16. — P. 159–164.
- Lapidot-Lefler, N., Dolev-Cohen, M.* Comparing cyberbullying and school bullying among school students: Prevalence, gender, and grade level differences. *Social Psychology of Education*, 2015. — 18. — P. 1-6.
- Mark L., Ratliffe K.T.* Cyber worlds: New playgrounds for bullying // *Computers in the Schools*, 2011. — 28. — P. 92-116.
- Mason K.L.* Cyberbullying: A preliminary assessment for school personnel // *Psychology in the Schools*, 2008. — 45. — P. 323-348.
- Mishna F., Saini M., Solomon, S.* Ongoing and online: Children and youth's perceptions of cyber bullying // *Children and Youth Services Review*, 2009. — 31. — P. 1222-1228.
- Moxey N., Bussey K.* Styles of Bystander Intervention in Cyberbullying Incidents // *International Journal of Bullying Prevention*. 2020. — № 1 (2). — P. 6-15.
- Muraa G., Topcu C., Erdur-Baker O.* An International Study of Cyber Bullying Perception and Diffusion Among Adolescents // *Procedia Social and Behavioral Sciences*; 2011. — 15. — P. 3805-3809.
- Olweus D.* School bullying: Development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*, 2013. — 9. — P. 751-780.
- Patchin J.W., Hinduja S.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying // *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2006. — 4. — P. 148-169.
- Patchin J.W., Hinduja S.* Changes in adolescent online social networking behaviors from 2006 to 2009 // *Computers in Human Behavior*, 2010. — 26. — P. 1818-1821.
- Pieschl S., Kuhlmann C., Prosch T.* Beware of publicity! Perceived distress of negative cyber incidents and implications for defining cyberbullying // *Journal of School Violence*, 2015. — 14. — P. 111-132.
- Raskauskas J., Stoltz A.D.* Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents // *Developmental Psychology*, 2007. — 43. — P. 564-575.
- Rodkin P.C., Fischer K.* Cyberbullying from psychological and legal perspectives // *Missouri Law Review*, 2012. — 77. — P. 619-640.
- Salmivalli C.* Participant roles in bullying: How can peer bystanders be utilized in interventions // *Theory into Practice*, 2014. — 53. — P. 286-292
- Sarmiento A., Herrera-López M., Zych I.* Is cyberbullying a group process? Online and offline bystanders of cyberbullying act as defenders, reinforcers and outsiders // *Comput. Human Behav*, 2019. T. 99. P. 328–334.
- Selkie E.M., Kota R., Chan Y.-F., Moreno M.* Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking [text]* / Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y.-F., & Moreno, M., 2015. — №.18. — P.79-86.
- Slonje R., Smith P.K., Frisén, A.* The nature of cyberbullying, and strategies for prevention // *Computers in Human Behavior*, 2013. — 29. — P. 26-32.
- Smith P.K.* Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. 2008. — № 4 (49). — P. 376-385.

- Spears B., Slee P., Owens L., Johnson B.* Behind the scenes and screens: Insights into the human dimension of covert and cyberbullying. *Zeitschrift für Psychologie / B. Spears, P. Slee, L. Owens, B. Johnson // Journal of Psychology* 2009. – P. 189-196.
- Srivastava A., Gamble R., Boey J.* Cyberbullying in Australia: Clarifying the problem, considering the solutions // *International Journal of Children's Rights*, 2013. – 21. – P. 25-45
- Suler J.* The online disinhibition effect // *Cyberpsychology Behav*, 2004. – Т. 7, № 3. – P. 321-326.
- Talwar V., Gomez-Garibello C., Shariff S.* Adolescents' moral evaluations and ratings of cyberbullying: The effect of veracity and intentionality behind the event // *Computers in Human Behavior*, 2014. – 36. – P. 122-128.
- Thomas H.J., Connor P., Scott J.G.* Integrating traditional bullying and cyberbullying: Challenges of definition and measurement in adolescents / A review // *Education Psychology Review*, 2015. – 27. – P. 135-152.
- Vandebosch H., van Cleemput K.* Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // *New Media & Society*, 2009. – 11. – P. 1349-1371.
- Walker C.M., Sockman B.R., Koehn S.* An exploratory study of cyberbullying with under graduate university students // *Tech Trends: Linking Research and Practice to Improve Learning*, 2011. – 55. – P. 31-38.
- Wang J., Iannotti R.J., Luk J.W.* Patterns of adolescent bullying behaviours: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber // *Journal of School Psychology*, 2012. – 50. – P. 521-534.

References

- Gorlova N.V., Bochaver A.A., Khlomov K.D.* Prediktory bullinga, kiberbullinga i viktimizatsii: obzor sovremennykh issledovaniy [Predictors of bullying, cyberbullying and victimization: a review of modern research] // *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*. 2021. – V. 44, №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-bullinga-kiberbullinga-i-viktimizatsii-obzor-sovremennykh-issledovaniy> (data obrashcheniya: 25.10.2023).
- Deyneka O.S., Dukhanina L. N., Maksimenko A.A.* Kiberbulling i viktimizatsiya: obzor zarubezhnykh publikatsiy [Cyberbullying and victimization: a review of foreign publications] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of science and education]*. 2020. – V. 47, № 5. – P. 273-292. doi: 10.32744/pse.2020.5.19
- Okatova M.A.* Aprobatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika kognitivnoy i afektivnoy empatii [Approbation of the Russian-language version of the cognitive and affective empathy questionnaire] // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021. – V. 18, №. 4. – P. 685-699.
- Tarabrina N.V.* Prakticheskoye rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [practical guide to the psychology of post-traumatic stress]. CH. 2. – M.: Kogito-Tsentr, 2007.

Khlokov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbulling v opyte rossiyskikh podrostkov [Cyberbullying in the experience of Russian teenagers] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2019. – V. 9, № 2. – P. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

Информация об авторах

Демина Виктория Алексеевна, магистр, Московский институт психоанализа, Москва, Россия; e-mail: deminaviktoria@gmail.com

Ананьева Кристина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук; доцент кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1666-3269>, e-mail: ananyeva@inpsycho.ru

Information about the authors

Victoriya A. Demina, master degree, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; e-mail: deminaviktoria@gmail.com

Kristina. I. Ananyeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Research Associate at the Laboratory of Cognitive Psychology and Mathematical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1666-3269>, e-mail: ananyeva@inpsycho.ru

Получена: 29.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 29.02.2024

Accepted: 01.03.2024